

Игорь Шестков

ЧЕЛОВЕК В КОТЕЛКЕ

Занимательная, ироническая повесть о том, как князь Эстергази не погиб на дуэли, не был растерзан оборотнем, но оторвал головы двум голубям.

Написана автором в городе Берлине в феврале и марте 2018 года для развлечения самого себя.

Все герои, обстоятельства и события этой повести вымышлены.

Ипполит, мой сорокалетний кузен, бывший военный, «улан», как он сам себя называл, человек жестокий и решительный, подбил меня на это глупое и злое дело. А я, как всегда, проявил слабыхарактерность, не остановил его вовремя.

Сидели мы в баре, в «Мельбурне» на площади Леонардо, пили Кампари с джином и льдом. Ипполит выпил вдвое больше меня, но не опьянел, а я размяк и расчувствовался... засмотрелся на красивую картинку на стене с обнаженными женщинами и мужчинами, цветущими деревьями и античными храмами... не удержался и рассказал Ипполиту, приехавшему домой несколько дней назад после

двухгодичной экскурсии по Бутану и Тибету, какую боль причинила мне Агнесса, моя невеста.

Не только изменила и расстроила нашу помолвку, но еще и организовала что-то вроде товарищеского суда, на котором меня судили. Вела себя на этом суде, который почему-то официально назывался «конгрессом», грубо и цинично. Нарочно выболтала там несколько наших постельных секретов. Публика, состоящая из неизвестных мне людей, из каких-то профессоров, астрономов и политиков, смотрела на меня и гоготала.

Чтобы окончательно меня уничтожить, Агнесса призналась, что помимо Теодора, с которым встретила якобы «случайно» и «не смогла обуздать внезапно нахлынувшую страсть», — имела долговременную интимную связь с Лидией Клах, известной спириткой и фавориткой герцогини. Я кусал пальцы от бессилия и стыда.

— И главное — с кем? С кем моя невеста мне изменила? С этим плюгавым подонком Теодором, сладким как гнилой банан. Избалованным бездельником, болтуном и бабником, сыном колбасного фабриканта! Как бы я хотел его прикончить! Он ведь был на нашей помолвке, тогда, во дворце герцога. Улыбался, поздравлял. Подумай только, они совокупались в городском аквариуме! Как кошки. Нашли там какой-то темный угол и... проклятые рыбы смотрели на эту сцену. И посетители зоопарка. Ты

знаешь Агнессу, она обожает экстравагантность. Чихать она хотела на правила приличия! Какая-то сволочь их сфотографировала – и прислала фото моему отцу. По почте. Дорогой генерал, посылаю вам фото коитуса невесты вашего сына с мистером Теодором Мольтке на фоне арапаим и пираний. С лучшими пожеланиями...

Отец рассвирепел, бросил фотографии на пол. Топтал их ногами. Мать рыдала. А я еще ничего не знал, не понимал, зачем он это делает. Потом подобрал с пола одну фотографию...

Ишполит нахмурился, усмехнулся криво, погладил меня по плечу и пробурчал: Ладно, ладно, Генри... Что случилось, то случилось. Спиритка Лидия? Внезапно нахлынувшая страсть? В аквариуме? Запредельно. Ай да Агнесса! Клянусь сокровищницей герцога, мы заставим ее страдать! А с колбасником разберемся позже, когда все забудется и загладится. Я сам заколю его пшагой. И выпотрошу как лосося. Отвезу его кишки в открытое море и брошу в воду. Акулам на завтрак. Голову, если пожелаешь, можно засушить. А тушку пошлем его папаше по кускам, бандеролью, – пусть делает из него сервелат.

– Прошу тебя, Ишполит... Не говори так... жестоко. Хочешь и Агнессу заколоть?

– Не плачь, юноша! Возьми платок, высморкайся и успокойся. Она обесчестила нашу семью. Мстить все равно придется. Лучше конечно обойтись без зверства. Все-таки Агнесса человек нашего круга, часто бывает при дворе. Публичного скандала надо избежать. Но и наказать ее тоже надо. Дай мне подумать до завтра. Это так сладко – планировать месть.

...

На следующий день мы встретились в «Конкистадоре» на улице Эльдорадо. Выпили по бокалу Шардоне. Ели устрицы с уксусом, фиолетовым луком и ржаными хлебцами.

Ишполит съел три порции, один допил бутылку... потом прокашлялся глухо, поднял указательный палец правой руки, на котором посверкивал платиновый перстень с огромным топазом и бриллиантами, погрозил им кому-то и заговорил, поглаживая свои великолепные темные бакенбарды, на которых серебрилась редкая седина.

– Есть свежая идея. Мы Агнессу и пальцем не тронем, только испугаем до смерти. Усыпим хлороформом в уединенном месте. А затем – похороним живой в нашем фамильном склепе. В каменном гробу, в котором покоятся останки знаменитой тетушки Агаты, сестры бабушки твоей матери. Да-да, той самой, свихнувшейся на оккультизме. Просверлим несколько дырок, чтобы не было проблем с дыханием.

Агнесса очнется... начнет звать на помощь, биться, царапать стенки гроба, попробует открыть крышку. И не сможет... А через сутки... освободим ее и отвезем туда, где похитили. Перед этим заставим выпить лимонад с дурью. Когда прочухается, решит, что у нее случился припадок.

– Где же мы ее похитим?

– Шпионы сообщили мне, что сегодня после полудня Агнесса будет кататься верхом на знаменитом Красном Мустанге во владениях герцога, недалеко от римского городка. Если никого не будет рядом, я догоню ее на моем Магнате, обниму и усыплю. На дороге меня будут ждать мои люди в автомобиле с непрозрачными стеклами. До кладбища оттуда – десять минут езды. А Мустанга отведет в конюшню мой слуга Мартин. Он знаком с конюхами герцога. Скажет им, что Агнесса поехала в Монпелье на ярмарку.

– Откуда у тебя хлороформ?

– Пузырек дал мне доктор Фердинанд. Я сказал ему, что хочу усыпить собаку. Не убить, а только усыпить на время. Он сам изготовил компресс из бинтов и ваты и все мне объяснил.

– Я слышал, хлороформ очень токсичен. Попробуй вначале на слуге.

– Так и сделаю. Поезжай домой и жди. Я заеду за тобой около двух... съездим на кладбище, заглянем

в фамильный склеп, послушаем кошачий концерт, приобщимся мистерии жизни и смерти.

...

Дома я не мог найти себе места из-за возбуждения. Ходил из комнаты в комнату, представлял себе несчастную Агнессу, которую усыпляет хлороформом мой жестокий кузен. Усыпляет, а потом насилует. Это в его стиле.

Бедняжка теряет сознание и приходит в себя в холодном гробу рядом с истлевшим трупом тети Агаты. Кошмар!

Как я мог согласиться на такое? Что же я за ничтожество? Мстить женщине!

Его разлюбила любимая, а он похоронил ее живой.

Если герцог узнает о наших проделках – может сгоряча и повесить. И меня и Ипполита. Хорошенький будет натюрморт!

...

Около половины третьего Ипполит позвонил снизу и сказал: Спускайся, все идет по плану.

Чертов улан! Бревно! Солдафон!

Ипполит сиял от удовольствия. Его план осуществился.

– Попробовал хлороформ на старом Иштване. Он заснул и спал двадцать минут. Храпел как дятел. После того, как проснулся, потребовал коньяку. Поскакал в герцогские владения. Нашел Агнессу на буковой аллее. Недалеко отobelиска. А затем... представляешь, не смог догнать проклятого Мустанга! Он летел как ветер. Магнат изнемог. Агнесса обернулась, увидела меня, захохотала и остановила жеребца. Спросила, что я делаю в лесу герцога. Я не стал отвечать, обнял ее и тут же положил ей на рот и ноздри компресс с хлороформом. Несколько секунд она пыталась отодрать его от лица. Мычала и сверлила меня глазами. Затем затихла. Я связал ее и положил на коня. Через четверть часа Агнесса уже лежала в гробу прямо на старых костях тети Агаты. Я оставил слугу у входа в усыпальницу. На всякий случай. Мартин повел Мустанга в конюшню.

...

Мы еще не вошли в склеп, а я уже услышал этот протяжный звук. Гортанный, душераздирающий. Вой, хрип и клекот запертого в могиле живого существа. До смерти испуганного.

Звук этот доносился из гроба тети Агаты.

Мне тут же расхотелось наказывать Агнессу.

Я все еще любил ее. Простил ей и Лидию, и акварнум, и конгресс.

Я освобожу тебя, любимая!

Подошел к гробу и попытался сдвинуть тяжелую резную крышку. Исполит хотел мне помешать. Я грубо его оттолкнул. Он вспыхнул, выругался, махнул рукой и ушел.

Из последних сил сдвинул крышку гроба и сбросил ее на пол. Обнял воющую и скрежещущую зубами Агнессу, вытащил ее из гроба и вынес из склепа. Поставил на ноги, оттряхнул с нее пыль и паутину. Повел к выходу из кладбища. Агнесса шла как лунатичка, с закрытыми глазами. После того, как мы миновали ворота, моя бывшая невеста открыла глаза, посмотрела на солнце, все еще сияющее на лазурном небе, глубоко вздохнула и лишилась чувств.

Я отвез ее домой на такси.

Помог дворецкому внести Агнессу в дом.

...

Ее отец, старый барон фон Цароги, горько посмотрел на грязные бриджи дочери, на изодранную курточку, на ее сбившиеся в клоки золотые волосы, в которых застряли кусочки костей тети Агаты, на окровавленные, сломанные ногти...

Сказал мне веско: Вы за это ответите, сударь!

И ударил меня по щеке рукой в бежевой перчатке.

Вечером того же дня лакей в оранжевой ливрее с синими аксельбантами положил на мой письменный стол формальный вызов на дуэль. Вызывал меня не барон, а его старший сын, Алан, превосходный фехтовальщик и опытный стрелок. Мне предлагалось прислать секунданта и выбрать оружие.

Шансов остаться в живых после сражения на шпагах с Аланом фон Цароги у меня было мало. Поэтому я выбрал пистолеты, а секундантом назначил Исполита. Позвонил ему и все рассказал. Исполит тут же простил мне «дикую выходку в склепе» и поехал к барону уточнять детали поединка.

А я пошел в «Мельбурн». Напился, пристал к каким-то девкам, опрокинул музыкальный автомат «Шанталь», подрался с охранником и был с позором изгнан из бара. Кузен Исполит подобрал меня на улице и отвез домой. На своем прямоугольном драндулете с обрезанной задницей. Линкольне континентале.

Вначале молчал, качал головой и поглаживал себе бакенбарды. Потом сообщил, что секундантом Алана будет крепыш Мориц, второй сын барона.

– Физически Агнесса не пострадала, только пальцы поранила, но психически... Ведет себя неадекватно. Ничего внятного о произошедшем с ней сказать не может, только бормочет какую-то чушь. Баронесса якобы сказала барону – это не моя дочь.

И закатила истерику. Вызвали доктора Фердинанда. О том, что Агнесса провела час в гробу тетушки Агаты не знает никто, кроме нас двоих и трех моих людей. Пока они молчат. Я обещал отрезать язык садовыми ножницами тому, кто проболтается. У барона все думают, что ты подстерег Агнессу в парке и устроил сцену ревности с рукоприкладством. Дуэль состоится завтра в девять утра, на Черной балке, у Скалы дьявола. Стрелять будете из револьверов Кольт питон, с пяти шагов. Если кто-то будет ранен или убит, секунданты будут утверждать, что это был несчастный случай на охоте. Револьверы я проверил в присутствии Морица, они в порядке. У тебя и у Алана будет только один выстрел. Кстати, Алан сказал мне, что ничего лично против тебя не имеет и понимает твои чувства, но обычай требует того, чтобы он отомстил за сестру. Обещал прийти на твои похороны, принести венок и заказать по тебе поминальную службу. Почему-то ему не приходит в голову, что с пяти шагов ты тоже вряд ли промахнешься. И кого будут хоронить – еще бабушка надвое сказала.

Ипполит уехал от меня около двух часов ночи. Настоятельно советовал успокоить нервы восточной медитацией, отоспаться, а утром обязательно принять ледяной душ и помолиться четырнадцати Святым Помощникам.

...

Ночью меня мучил кошмарный сон.

Будто бы иду я по плоской равнине. По сухой красноватой земле. Спотыкаюсь о большие круглые камни, которые разбросал великан.

Долина окружена со всех сторон невысокими горами, похожими на терриконы. Горы эти мертвые — на них не растут ни трава, ни кусты, ни деревья.

Вокруг меня — огромные трилиты, дольмены и два дерева. У одного из них оторваны ветки... у другого ветки горят как свечи.

Недалеко валяются два скелета, это я и Алан.

Странной, танцующей походкой ко мне подходит обнаженная женщина. На голове у нее — фата из фиолетовых листьев. Это моя невеста.

Она говорит мне: Видишь, что ты наделал? Разве можно мстить женщине? Теперь ты мертвец, а я должна сто долгих лет бродить по этой красной долине, зажигать и тушить ветки на дереве.

Я пытаюсь ответить, напомнить ей, что она мне изменила. Но не могу произнести ни слова, мои губы помертвели, язык не ворочается...

Тут я замечаю, что ее длинная фата из листьев — пустила в землю толстые корни и любимая моя не может сделать ни шага. Она стонет и протягивает ко мне руки. А я не могу ей помочь.

...

Разбудил меня отчаянный стук во входную дверь. Одетый в новый, с иголки, баварский костюм, Исполит был недоволен, что я еще не готов к отъезду. Ворчал и кашлял.

С трудом умылся и натянул на себя короткие кожаные штаны, клетчатую рубашку и жилет. Маскарад этот придумали умники секунданты для маскировки дуэли под «охоту молодых баварцев на кабанов». На плече у Исполита был его старый винчестер в чехле.

Вместо завтрака выпил несколько глотков «Бомбея» из голубенькой бутылочки. Исполит пить не стал. Всю дорогу до Черной балки он был серьезен и немногословен, как и подобает человеку, везущему осужденного на эшафот...

Мы прибыли ровно в девять. Стояли у Скалы дьявола и курили.

...

О об этой скале рассказывали всякие небылицы. Будто бы рядом с ней в римские времена жрецы старых богов проводили какие-то зловещие ритуалы с человеческими жертвоприношениями, а в средневековье тут устраивали шабашки окрестные ведьмы.

На самом деле ничего дьявольского в этой геологической формации не было. Скала как скала. Метров тридцать высоты. Две ее вершины слегка напо-

минали рожки, а вход в неглубокую пещеру, в которой я так любил прятаться в детстве, — искривленный в конвульсии рот. Две выбоины в камнях, заросшие мхом, можно было с натяжкой принять за глаза. Недалеко от скалы пролежала тропинка, по которой часто бегали студенты городского университета. По выходным на скале тренировались самодеятельные альпинисты.

...

Алан и Мориц опаздывали. Ипполит нервничал, а мне было все равно. Мое время уже остановилось. Я жадно смотрел на розоватое июньское небо, на бегущие по нему легкие белоснежные облака, на деревья, на покрытый цветами луг... проследил глазами полет лесного голубя... внимательно слушал жужжание пчел... шелест листьев... наблюдал муравьев, бегающих по стволу клена.

Какие же они все интересные, эти крохотные создания, как полны закипающим в них соком существования, как жадно поглощают они солнечный свет, как радостно вибрируют их маленькие тела...

Моя пустая жизнь сибарита показалась мне вдруг такой прекрасной, разноцветной, пахучей. Я не хотел терять способность видеть, слышать и чувствовать мир, превращаться в мертвую материю. Даже постная физиономия моего кузена казалась мне в эти мгновения такой интересной, загадочной,

неожиданно близкой и родной. Я забыл, как он щипал меня за зад, когда мне было восемь лет, как заставлял трогать его член в бассейне и грозил задушить, если я расскажу об этом отцу.

Я забыл все дурное и думал только о хорошем. Я прощался с жизнью и готов был зареветь как девочка, у которой отняли куклу.

Ишполит поучал: Самое главное, постарайся хорошенько прицелиться ему в голову и выстрелить в тот самый момент, когда я скажу слово «три». От этого зависит твоя жизнь. Без двадцати десять он проворчал: Однако, пора бы им и появиться. Неужели, они решили над нами поиздеваться? Тогда мне придется стреляться с Морицом. Кажется, он недурной стрелок.

...

Ишполит ворчал, хотя помнил, что согласно договоренности между секундантами, если вызывающая сторона не являлась на дуэль, ответчики должны были покинуть Черную балку в десять часов, вызов становился недействительным, дуэль отменялась. Как все военные, Ишполит не любил, когда кто-то нарушал установленный план.

Ровно в десять кузен похлопал меня по плечу и сказал: Пошли, мы свой долг исполнили. Молодец, что не струсил.

– Еще как струсил.

– Теперь это все равно. Ты принял вызов и ровно час ждал противника. Кажется, это первый мужской поступок в твоей жизни.

– Пошел ты!

...

Решили во избежание недоразумений все-таки съездить к барону и сообщить, что честно ждали до десяти. Ипполит повторил несколько раз: Я должен убедиться, что все закончилось. Не люблю сюрпризы и огнестрельные ранения.

Подъехали на Линкольне к дому барона фон Цароги.

Я остался в машине, а Ипполит вышел и позвонил в старинный звонок в форме маски фавна. Нажал на его высунутый раздвоенный язык.

Ипполит звонил минут пять – безрезультатно.

– Куда подевался этот треклятый дворецкий? Они что, все там оглохли?

В голосе Ипполита появились хорошо знакомые раздражение и высокомерие. Мой кузен больше не казался мне интересным и родным. Стареющий циник, шовинист и милитарист с перстнем на пальце.

Ипполит в ярости ударил по металлической двери ногой, обутой в тяжелый шнурованный баварский ботинок. Дверь загремела и неожиданно открылась, она не была заперта.

Кузен вошел в дом барона.

А через несколько минут выбежал оттуда, согнувшийся, бледный как мертвец, с трясущимися, липкими от пота руками, влез в Линкольн, завел мотор, нажал на газ. Проехал метров триста, затормозил, остановился и задним ходом вернулся к дому барона. Буркнул мне: Пойдем со мной. Только в обморок не падай, прошу тебя. И не визжи.

Я Ипполита в таком состоянии еще не видел. Он был испуган. Так сильно, как хотел испугать Агнессу.

...

Мы миновали роскошную прихожую с затейливыми напольными вешалками и огромными овальными зеркалами в барочных рамах и прошли в гостиную, стены которой были увешаны головами убитых бароном косуль, оленей, лосей и антилоп. Был среди них и канадский гризли и даже белый носорог из Ботсваны. Стекланные их глаза ловили взгляд входящего в гостиную человека и не отпускали до тех пор, пока он ее не покидал.

Я мельком посмотрел на чучела... не люблю охоту и охотников, а обычай вешать на стены мумии мертвых животных кажется мне варварским пережитком.

Ипполит потянул меня за рукав, а потом прошептал: Там, гляди...

И показал пальцем.

...

О, ужас! На одной из стен вместо голов оленей – висели три окровавленные человеческие головы. С широко раскрытыми ртами и неестественно выпученными глазами. Это были головы барона фон Цароги и двух его сыновей: Алана и Морица. Оскорбленного отца моей невесты, моего возможного убийцы и его секунданта.

Под ними в роскошном викторианском кресле сидел дворецкий.

На коленях он держал собственную голову. Не отрезанную и не отрубленную, а как будто оторванную от тела какой-то страшной силой. Чудовищем из преисподней или самим сатаной.

Тут я услышал тот самый, жуткий звук. Или вой. Который доносился из каменного гроба тетушки Агаты. Как сумасшедший кинулся искать Агнессу. Быстро обежал остальные комнаты. Открыл все платяные шкафы. Заглянул под все кровати. Проверил духовку газовой плиты. Агнессы нигде не было.

Звук исчез. Что за штучки?

В спальне баронессы я наткнулся на трупы баронессы и ее горничной. В других помещениях обнаружил еще несколько мертвецов. Кажется, это были

слуги, повар, прачка... У всех были оторваны головы. Все они сидели на дорогих стульях барона. Головы лежали у мертвых на коленях. Казалось, что мертвецы держат их в руках.

...

Мне стало дурно. Чтобы не упасть, я присел на стул. Неожиданно постаревший Исполит сел рядом со мной.

Мы закурили, Исполит хлебнул коньку из своей фляжки с выгравированном на ней гербом князя Станислава, его бывшего покровителя (два стоящих на задних лапах леопарда и мальтийский крест между ними), которую всегда носил с собой. Я последовал его примеру.

В метре от нас сидела баронесса. В розовой шелковой ночной рубашке, из которой выпали на живот две огромные дебелие груди, в домашних тапочках с помпончиками. Рот ее был так широко открыт, что казалось она хочет проглотить нас, глаза, как и у других мертвецов, были выпучены, в волосах сверкали жирные желтые жемчуга.

Голос Исполита показался мне незнакомым.

– Что тут произошло? Кто это сделал? Зачем?

– Откуда мне знать? Это не ограбление, воры прихватили бы драгоценности и не стали бы тра-

тить время на то, чтобы посадить мертвецов на стулья, а головы троих из них вешать на стену. Похоже на ритуал. Безумие, за которым кроется что-то запредельное. Надо звонить в полицию.

...

Приехавшие полицейские посмотрели на головы на стене и так растерялись, что не заметили, что вместе с ними в жилище барона проникли два фотокорреспондента, вечно подслушивающие полицейское радио. На следующий день сразу в трех местных газетах были опубликованы статьи с иллюстрациями. Первая называлась «Мертвецы в доме барона», вторая – «Загадка оторванных голов», третья, о нас с Ишполитом, – «Кровавая баня. Князя Эстерхази под подозрением».

Нас задержали и доставили на допрос к комиссару Леперье.

...

Я не стал изворачиваться и рассказал ему всю правду. И про мою помолвку, и про аквариум, и про конгресс, и про гроб тетушки Агаты и про «молодых баварцев».

Леперье выслушал меня, задал несколько вопросов. Ушел допрашивать Ишполита.

Потом вернулся и заговорил.

– Ни у вас, ни у вашего кузена нет алиби на прошедшую ночь. Прискорбно... Так, подытожим... Вас выкинули за дебош из «Мельбурна», потом вас подобрал на улице ваш кузен и отвез домой. Вы были сильно пьяны. Испортили музыкальный автомат... приставали к девушкам... кстати, грозили сжечь бар и перестрелять публику... Уехал ваш кузен от вас около двух часов ночи. А в девять утра вы уже были на Черной балке. Молодые баварцы на охоте... Ложь, ложь, ложь! После «Мельбурна» вы и ваш кузен поехали не к вам домой, а прямо к барону. Как-то проникли внутрь дома. Возможно просто влезли в окно. Пользуясь тем, что все в доме спят – устроили там кровавую бойню, выстроили эту жуткую сцену из сидящих мертвецов, повесили головы недругов на стену, а утром как ни в чем не бывало явились в маскарадных костюмах на Черную балку... как бы на дуэль. Постарались, чтобы вас заметили бегуны-студенты и охранник на автостоянке... Звучит очень убедительно. Учитывая, что ваш кузен необыкновенно силен, а также имеет многолетний боевой опыт и даже, по непроверенным сведениям, неоднократно участвовал в массовых убийствах мирного населения в Юго-Восточной Азии – даже очень убедительно! Может быть, вам пора чистосердечно признаться, князь? Сами посудите, кто, кроме вас с Ишполитом, имел хоть малейший мотив для совершения этого страшного пре-

ступления? Предубеждения вашего сословия не позволили вам отказаться от поединка. Если бы дуэль состоялась, вы бы скорее всего уже лежали в гробу. Так что... вам нечего было терять. Убивать в доме барона надо было всех – и господ и прислугу. Потому что все эти люди знали о дуэли. Вот вы всех и убили. Как отрывали головы – покажет вскрытие. Наверное и хлороформ пригодился, да? Для меня в этом деле есть только одна загадка. Почему вы не убили вашу бывшую невесту вместе с остальными? Где ваша невеста, Генри, где Агнесса фон Цароги? Что вы с ней сделали? Зарыли в землю? Замуровали в бетоне? Или заперли в каком-нибудь подвале? Если вы сообщите полиции о ее местонахождении и мы найдем ее живой и здоровой – обещаю вам все снисхождения и льготы, которые в таких случаях полагаются подозреваемому. Несмотря ни на что, вы представляетесь мне скорее пассивным соучастником преступления, чем главным злодеем. Может быть, судья заменит вам гильотину на пожизненное. Посидите в камере и подумайте об этом. Но помните, если мы найдем Агнессу без вашей помощи – то никаких поблажек не ждите.

Я не смог удержаться и спросил: Неужели вы действительно верите в то, что мы, представители древнего благородного рода, способны на подобное зверство? А если да, то, как же мы, обыкновенные люди, смогли оторвать столько голов? Мы же не гориллы и не американские супергерои. Неужели это

простое соображение не мешает вам предъявлять нам такие страшные обвинения? Это же абсурд. Я не знаю, где находится Агнесса. И очень беспокоюсь о ней. Полагаю, вам следует расспросить об этом Лидию Клех и Теодора Мольтке.

Комиссар кивнул, но не удостоил меня ответом. Мои возражения видимо не произвели на него никакого впечатления.

...

Ночь в сырой камере, на металлической койке без матраца я не забуду никогда.

Меня мучили видения, не имеющие отношения к преступлению в доме барона. Как будто со дна души поднялся ил, отложившийся там за многие годы. Ожили старые страхи и навязчивые представления...

Я явственно слышал голос моей матери. Она звала меня: Генри, о, Генри, иди ко мне.

И я, шестилетний мальчик, голый и босой, шел в ее комнату.

В этой комнате не было мебели, посреди ее на табуретке сидела моя мама.

Она обнажена, я хорошо вижу волосы на ее лобке. Мать не смотрит на меня. Ее сомнамбулический взгляд обращен вглубь ее самой.

– Подойди ко мне, Генри.

Я подхожу к ней, хотя мне жутко и неприятно, хочется убежать.

– Дай мне твою левую руку.

Я даю ей руку и она крепко сжимает ее своей правой рукой. И тянет меня к себе. Раскрывает бедра и сует мою руку себе во влагалище.

– Иди ко мне, Генри. Там никто не обидит тебя. Иди в меня.

Вслед за рукой я весь... непонятно как... попадаю во влагалище матери, похожее на живой готический свод. Розовый, пульсирующий.

И вот... я уже не во влагалище, а в пещере. В той, в Скале дьявола. Я выхожу из пещеры и натыкаюсь на Алана. В руке у него револьвер, он целится мне в лоб. Кузен Ишполит яростно кричит «три»... Пуля медленно вылетает из дула кольта. И ввертывается мне в лоб как шурш. Я падаю на красную сухую землю долины с трилитами и дольменами.

...

Утром, после скудного тюремного завтрака меня освободили. Очаровательно!

Комиссар Леперье зашел ко мне в камеру, покивал головой, кисло улыбнулся и сказал несколько коротких фраз: Извините, я кажется ошибся. Вы свободны. Вы оказались неплохим пророком. Это подозрительно, но не наказуемо. Прошу вас однако не

покидать наш регион в течение двух недель. Возможно, мне потребуется ваш совет или помощь. Больше пока ничего сообщить не могу. Вы все узнаете из газет.

Оказывается, прошедшей ночью случилось еще одно массовое убийство. На сей раз – в спиритическом салоне госпожи Лидии Клех.

Уборщица пришла как обычно в салон убираться в восемь часов утра. Открыла двери своим ключом и обнаружила в зале для сеансов семь мертвецов, сидящих вокруг овального стола. С оторванными головами на коленях.

Мертва была и хозяйка салона, Лидия, и ее помощница, госпожа Марта, и медиум – простая французская девушка-швея, и еще четыре дамы высшего света, любительницы столоверчения, эктоплазмы и разговоров с умершими.

Агнессы среди них не было. Но один стул, на котором сидела восьмая участница сеанса, был пуст. Кем была эта восьмая – не покладая рук разбиралась полиция. Забегая вперед, замечу, что так и не разобралась. Внутренний голос сразу шепнул мне – это была Агнесса. И все эти «оторванные головы» имеют какое-то отношение не только к ней, но и к тетушке Агате, с которой Агнесса, не знаю как, вошла в контакт, лежа в гробу на ее костях. Дурацкая гипотеза!

Но ничего другого мне в голову не приходило, как я ни морщил лоб.

...

Принял дома ванну с розовыми лепестками. Какое блаженство!

Позвонил Ипполиту. Подошел Мартин и сказал мне, что мой кузен поехал жаловаться герцогу на произвол французской полиции. Ему якобы нахамили и украли его дорогой перстень, подарок князя Станислава. Известие это меня развеселило, отвлекло от мыслей об оторванных головах. Я представил себе как прожжённая лиса герцог успокаивает «улана» Ипполита и теребит его за бакенбарды.

Поехал к родителям, чтобы рассказать им про свои приключения.

После пяти минут разговора о моих делах заметил, что интерес их заметно уменьшился, а потом и совсем сошел на нет. Отец задремал, а мать взяла в руки какой-то женский журнал и тихонько листала его...

Мои родители кажется уже окуклились в своем старческом эгоизме. Письмо неизвестного доброжелателя с непристойными фотографиями моей невесты пробило неделю назад в этом коконе дырку... Но рана уже затянулась. И даже шрама после себя не оставила.

После обильного скучного обеда (ненавижу вареную рыбу с лимонным соусом), я привел мать за руку в библиотеку и попросил ее показать мне фамильную летопись ее семьи. Надеялся, что узнаю что-то особенное о тетушке Агате.

Мама не сразу поняла, что я от нее хочу, а потом, по своему обыкновению, начала юлить: Ах, я не знаю, где лежат эти противные старые книги. Вероятно они пошли на растопку камина в ту холодную военную зиму. Я видела их последний раз лет сорок назад. Еще была жива бабушка Шарлотта. Она не любила вспоминать старшую ее почти на четверть века сестру. Говорила, что Агата «продала душу дьяволу». Я конечно не верю во все эти глупости. Тетушка Агата умерла когда я еще не родилась... говорили, от туберкулеза. Посмотри, вон на той полке, да, наверху... Может быть, что-нибудь и найдешь. А я посижу на террасе, там так легко дышится. И розы в этом году так дружно цветут. Эти, новые, баккара.

...

Долго листал толстые пожелтевшие листы семейной хроники.

Нашел что-то вроде Записок тетушки Агаты. Восемнадцать рукописных страниц текста, написанного витиеватым языком восемнадцатого века. Как такое возможно? Тетушка умерла в сороковых годах.

Писала она в основном о погоде, семейных делах и спиритических экспериментах барона Шренка. Пролетел по диагонали. Обычная эзотерическая дребедень.

Ага... тут записи разговоров тетушки с якобы воскресшим из мертвых графом Сен-Жерменом, который будто бы поделился с ней секретом эликсира бессмертия. Это уже кое-что. Зашифрованная формула эликсира... придется поломать голову.

Записи на двух предпоследних страницах было трудно читать. Это был страстный монолог чрезвычайно экзальтированной женщины, доведшей себя до белой горячки всевозможными оккультными штучками. Тетушка Агата яростно заклинала «существа, стремящиеся к пробуждению».

А на последней странице предложения и слова отсутствовали. Тетушка Агата нарисовала красными чернилами картинку... полную каких-то зловещих знаков, вроде масонских или алхимических. Некоторые из этих знаков напомнили мне трилиты и дольмены из моего сна. Да, да, и два лежащих скелета тоже были тут. И похожие на терриконы горы. Обнаженная женщина в фате из листьев...

Дерево с горящими ветками.

Погодите, а кто этот человек в лаковых туфлях, тройке и котелке, читающий газету?

Что все это значит?

...

Вечером, в «Мельбурне», прихлебывая Кампари с сладким вермутом, поведал кузену Ипполиту про записки тетушки, разговор с Сен-Жерменом и рисунок с человеком в котелке.

Довольный Ипполит (перстень с топазом ему после ходатайства герцога вернули, за обвинение в убийстве – извинились) заметил, заинтересованно глядя на севшую рядом с ним красавицу с открытой грудью и короткими синими волосами: А черт бы побрал твою тетушку вместе с Сен-Жерменом. Надоела мне вся эта чертовщина. Не хочу даже думать об этом! Разбирайся сам в своем дерьме!

– Идея с склепом была твоя, мой хороший! Если бы не ты, то я возможно уже помирился бы с Агнесой, и мы бы валялись на пляже где-нибудь на Кикладах и занимались активным продолжением рода.

– Мало тебя помучили на «конгрессе». Она же разорвала помолвку! Забыл аквариум? Сам заскулил, разнылся, а теперь валишь вину на меня. Мой план был хорош. Восстановили бы честь семьи и прочили чертовку. А ты вмешался, потому что слюнтяй и хлюпик. Пожалел вздорную бабу... Если бы она провела там не час, а двадцать четыре часа, как было по плану, то... все было бы справедливо и правильно. А так... сам, сам расхлебывай!

– Слушай, я в газете прочитал, что головы отрывает оборотень, вроде Жеводанского зверя. Подумал, может быть этот зверь – Агнесса... Что-то от костей старой ведьмы перешло к ней и изменило ее природу. И она стала монстром.

– Полежала в гробу, съела косточку и начала головы срывать, как ромашки? И на стены вешать? Я простой солдат, но в такую ересь ни за что не поверю, а тебе... выпускнику забыл-какого университета... такое даже думать стыдно, не то, что говорить.

– Если не Агнесса, то кто?

– Ты у нас все знаешь, а не я.

– Как ты думаешь, где Агнесса прячется?

– Этот вопрос мне и Леперье задавал. Раз триста. Замахивался даже на меня ручкой. Каков гусь! Возомнил о себе. Фараон. Надо будет, когда все утрясется, его шпагой заколоть и выпотрошить. Не знаю я, где твоя невеста, и знать не хочу. Может, она... с Теодором на пляже валяется. На Кикладах. И продолжает род. Только не твой, а его, колбасный.

– Съездишь со мной к Теодору на виллу? Недалеко. Мне одному неловко. Хочу посмотреть ему в глаза и спросить, не знает ли он, где Агнесса. Пожалуйста, Ишполит... Я его один и припугнуть не смогу.

– Знаю, что пожалею, но... черт с тобой, поедем. Только Кампари допью. Надеюсь, ему голову еще не оторвали... а-то становится скучно, куда ни приедем, всем головы отрывают... Как в романе у автора, который ничего нового придумать не может. Крутит, крутит одно и то же колесо. Кстати, литературные герои из нас получились бы какие-то непонятные. Сойдут разве что для персифляжа... Ты вроде бы состоишь из одних слабостей и растерянностей, а я – солдафон, грубиян. А если приглядеться, все не так. Ладно, ладно, пойдём, за выпивку сегодня ты платишь.

...

Теодор жил в двухэтажной вилле, окруженной лимонными деревьями, купленной ему его отцом. За высоким ажурным забором, с прекрасным видом на синее море в трех километрах отсюда Средиземное море. Мраморный бассейн с подсветкой. Сауна. Статуи. В подвале – энотека. Шик, конечно, но богатством в этих краях никого не удивишь.

Мы подъехали к дорогим кованым воротам. Львиные морды, грифоны, русалки, цветы, листья, гербы и знамена. Только колбасы нет. Все комплексы неполноценности нувориша обрели на этих воротах свои формы. Из стали.

На сей раз Исполит остался в Линкольне, а я пошел звонить.

Неожиданно по ту сторону ворот появился Латура, слуга Теодора. Он поклонился и сказал: Вам письмо, князь.

Передал мне конверт сквозь ворота и исчез. Лицо у Латура было темно-фиолетовое, глаза – мертвые. Когда он говорил, его губы не двигались.

Я тут же вскрыл конверт. В нем лежала открытка с видом на замок Вьери. На обратной стороне открытки было написано красными чернилами «Приезжай сюда завтра, в шесть вечера. Тут разгадка тайны. Покойный Теодор».

Показал открытку Ипполиту.

Тот проворчал: Покойный? Что за шутки? Опять красные чернила! Они что, там, в замке «Бал вампиров» решили устроить?

– Отвезешь меня завтра? Если не будет пробок – часа за два домчимся. Неохота у отца просить машину.

– Сто раз тебе говорил, просил... купи себе тачку. Носился бы... туда-сюда. Смешно, князь Эстерхази ездит по городу на велосипеде. Отвезу, кому-то надо за тобой присматривать.

– И еще одна, последняя на сегодня просьба – высади меня сейчас у «Миракля», не хочу ночевать дома.

– Хочешь дрыхнуть на своем дурацком зеленом диване?

– Ну да, и не один, а с дамами в шелковых пеньюарах.

– Какие мы нежные! Как дыня.

– Мы же не уланы, которые спят друг с другом и с лошадьми.

– Не дерзи, надеру уши!

...

«Миракль» – это бордель для избранных. Заполонивших последнее время Ривьеру «новых русских» с тупыми и агрессивными лицами и с пачками наличных в руках я там не видел. Не видел и богатых скотопромышленников из Техаса и нефтяных арабских шейхов, скупивших, говорят, все публичные дома Парижа.

И тех, и других, и третьих привратники «Миракля» вежливо отпраляют в расположенный поблизости пуфф для богатых «Золотые качели»... тамошняя позолоченная мебель в стиле ампир, фальшивые гобелены эпохи Людовика XIV и пляшущие канкан голенькие девочки в париках имеют у этой шушеры большой успех.

Я часто ночевал в «Миракле». Посещал его еще юношей...

Хозяйка заведения, строгая дама, не терпящая амикошонства, госпожа Ристаль, относилась ко мне по-матерински. Вот и сейчас, обняла меня за талию и отвела в комнату, которую я снимал уже несколько лет. В комнате этой действительно стоял длинный и широкий зеленый диван, на котором могли спать одновременно три человека. Я предпочитал называть диван – канапе. Так окрестил его торговец антикварной мебелью из Магриба, продавший его мне. Кроме канапе в комнате ничего не было. В углу однако находилась потайная дверь. За ней располагался коридорчик с платяным шкафом и двумя дверями – в кухню и в ванную комнату.

Все четыре стены комнаты и потолок покрывала фреска, на которой был изображен безлюдный античный город. В стиле «идеальных городов» итальянских художников ренессанса. На шатровом потолке – синее небо и перистые облака. Четыре небольших овальных окна не портили иллюзию – сидя на моем канапе, я чувствовал себя как молодой грек на Акрополе или римлянин на Палатине или Капитолии.

Нарисовал фреску бельгийский художник, застенчивый и скромный великан в смешных сандалиях и немислимой рубашке, у которой он сам, при мне, отрезал перед началом работы ножницами рукава. «Чтобы руки были свободны. Руки художника

– его душа». Мой отец, строящий из себя лет тридцать назад коллекционера современного искусства а-ля Пегги Гуттенхайм, купил у него несколько картин. Картины эти, с неизменными храмами и дворцами на заднем плане и обнаженными женщинами, застывшими как восковые фигуры, на переднем, – дали направление моей детской эротической фантазии.

Пол комнаты был покрыт толстым одноцветным ковром, имитировавшим темно-розовую плитку.

– Кого мне прислать к вам сегодня, князь?

– Розу и Мари Констанс. Если они не заняты.

– Прекрасный выбор. Огонь и нежность. Вы хотите переночевать у нас? Подготовить белье и одеяла?

– Будьте так добры.

– На завтрак, как обычно, кофе с медом из лаванды и свежий творог с черничным мармеладом?

– У вас удивительно хорошая память. А девушкам подайте то, что они сами закажут.

...

Мучительная езда по немислимо узким альпийским дорогам с их бесконечными поворотами, подъемами и спусками не позволила мне испытать еще раз, по памяти, все те утонченные радости, которые доставили мне милые дамы прошедшей ночью, и

так меня измотала, что я забыл цель нашей поездки. Уже пять минут мы стояли перед этим чертовым замком, похожим на высокий каменный сарай с проросшими сквозь него круглыми башнями, увенчанными конусообразными колпаками, а я, вместо того, чтобы вылезти из Линкольна, подняться по давно не отремонтированной лестнице, найти вход и постучать... сидел, запрокинув голову, на широченном сидении, неприятно пахнущем звериной кожей.

Ипполит положил голову на руль и дремал.

...

Заставил себя выйти из машины.

Посмотрел на замок.

Все ставни на окнах были не только закрыты, но и заколочены. Небрежно, грубо. Последний раз фасад замка красили наверное еще во время Столетней войны. В остроконечной крыше, покрытой красноватой черепицей, зияли прорехи.

Ипполит, зевая и покашливая, тоже вышел из машины. Скептически посмотрел на замок, хлебнул из своей заветной фляжки с леопардами и покачал головой.

Обошли здание, нашли что-то напоминающее вход в английский коровник.

Постучали.

Я приложил ухо к двери. Ни ответа, ни шагов, ни завывания ветра. Ни звука.

Даже уши заложило от тишины.

Тут солнце спряталось за горной грядой. Потемнело и похолодало.

Почему-то стало страшно. Издалека донесся волчий вой.

Ишполит ударил дверь кулаком и прорычал: Да откройте же вы наконец, черт вас всех побери, проклятую дверь!

И тут... мы услышали бой стенных или напольных часов, доносившийся из замка. Часы пробили восемнадцать раз. Дверь открылась, проскрипев музыкальную фразу. Вошли.

...

И оказались в крошечной темноте. Очень гостеприимно.

Хорошо, что Ишполит догадался взять с собой фонарики.

Мы находились в просторной комнате без окон, в которой была только одна дверь. На противоположной от нее стороне, там, где только что был вход в замок – стояли громадные старинные напольные часы. Их циферблат и тяжелый маятник блестели так, как будто были сделаны из чистого золота. Стрелки и цифры были выточены из нефрита.

Над часами была нарисована прямоугольная монохромная фреска. Два кавалера в одежде времен Французской революции целились из своих тонкоствольных ружей в огромного зверя, гибрида волка, гиены и льва. На заднем плане – горы, лес и замок Вьери на небольшом холме. Зверь открыл зубастую пасть...

Надпись под фреской оповещала зрителя о том, что в 17.. году известные охотники Жан Шарль и Жан Франсуа пристрелили, к вящей радости жителей окрестных деревень, оборотня-людоеда серебряными пулями.

Вместо люстры – о, ужас, ужас, ужас – в середине комнаты на длинной веревке висел, покачиваясь, удавленник. Мы узнали его. Это был Теодор Мольтке, любовник моей невесты Агнессы. Его лиловый, как у коровы, язык доставал до подбородка. Мертвые глаза смотрели в пустоту.

Я окаменел. Открытка-приглашение Теодора, лежащая у меня во внутреннем кармане пиджака, жгла мне грудь.

Мужественный Ипполит заявил, что хочет взобраться мне на плечи, чтобы перерезать веревку перочинным ножом. Я сцепил руки. Ипполит не без труда и кряхтения исполнил задуманное. Мертвец упал на меня. Задел мне языком щеку. Как будто облизал...

Вслед за Теодором на меня обрушился мой увесистый кузен. Обошлось.

Вдвоем мы прислонили труп к стене. Ипполит закрыл мертвому глаза.

Я прошептал: Мы в мышеловке, князь. Они всласть поиграют с нами, а потом оторвут нам головы, как барону Цароги, его сыновьям и этим дурам, участницам спиритического сеанса. Видел ту зверюгу, на фреске? Говорят оборотнем была сама баронесса, тогдашняя владелица замка Вьери. Может быть, современный владелец тоже...

– Спокойно, спокойно, Генри. Как вошли, так и выйдем. Пойдем, посмотрим, что за этой дверью. Тот, кто нас тут запер, явно хочет, чтобы мы вышли отсюда через эту дверь. Не будем противиться его воле. Пока. Клянусь, если все обойдется, закажу для моего винчестера серебряные пули.

...

За дверью была еще одна комната. Эта комната была хорошо освещена. Слепящий глаза источник света находился где-то на потолке, если тут конечно был потолок. Что именно светит – мы не поняли, похоже было на театральный прожектор.

На дощатом полу стояла круглая изящная табуретка. На ней, спиной к нам, восседала дама в роскошном темно-лиловом платье, отделанном кружевами, с треугольным декольте на спине.

Голова на высокой шее.

Аккуратная прическа волнами.

Сложенные руки – на коленях.

Воплощенная добродетель.

– Добрый день, мадам!

Голос моего кузена подрагивал.

Дама даже голову не повернула в нашу сторону... сидела неподвижно как кукла и смотрела на висящее на стене зеркало в нескольких шагах от нее.

Стена была когда-то обклеена обоями с орнаментом... обои эти частично отошли, порвались и висели неприятными свернувшимися треугольниками.

Ишполит крикнул, пощипал себя за бакенбарды, тихонько ударил меня в бок и показал глазами на зеркало. Зеркало отражало ту же добродетельную даму, сидящую на той же табуретке. Только эта дама, в зеркале, была нагой...

За ней была видна только часть комнаты. На стене, противоположной зеркалу, красовался непонятно откуда там взявшийся пейзаж с одиноким деревом на полянке, рощей и римской триумфальной аркой.

Я протер глаза и дернул себя за ухо.

Ишполит не выдержал: Прошу меня простить, мадам... право, не знаю, что сказать. Нам назначили

встречу на шесть часов вечера, мы приехали... и вот, в соседней комнате нас встретил удушенный, а вы не достаиваете нас даже словом!

Молчание. Дама по-прежнему сидела, не шелохнувшись.

Ипполит осторожно взял ее за плечо.

Она неловко съехала с табуретки и упала на пол!

Это действительно была кукла.

В тот же момент ее отражение – женщина в зеркале – грациозно встала с табуретки, погрозила нам пальцем и ушла в рощу. Из которой тут же выбежал тот самый, изображенный на фреске зверь, посмотрел на нас грозно и завыл по-волчьи.

Через мгновение зеркало уже потеряло способность показывать другой мир... и стало отражать только комнату... с изящной табуреткой, нелепо распростершейся на полу куклой в темно-лиловом платье, и отошедшими от стены обоями. Самих себя мы в нем однако так и не увидели, даже подойдя к нему вплотную. Ипполит постучал по его поверхности костяшкой пальца. Зеркало жалобно загремело, но даже стучавшей по нему руки не отразило.

И в этой комнате тоже была только одна дверь, – явно не та, в которую мы вошли. Не стовариваясь, мы открыли ее и покинули комнату с зеркалом.

...

И оказались на берегу моря. Солнце светило во-
всю!

Гор не было видно. Замок пропал.

Ипполит горько развел руками и посмотрел на
меня умоляюще.

Я опустил верхнюю губу на нижнюю и попросил
у кузена фляжку с коньяком. Мы сели на теплые
камни, выпили и закурили любимые сигареты Ип-
полита – Данхилл. Ипполит достал их из чудесной
красной коробочки, тогда еще не обезображенной
пугающими надписями и кошмарными фотографи-
ями.

Коньяк на вкус напоминал кипяченую воду, а си-
гареты не имели запаха!

Где мы?

В театре? В павильоне киностудии? Внутри ин-
сталляции художника-абсурдиста? Возможно, но не
в человеческом театре, в неземном павильоне, в не-
земной инсталляции.

В памяти какого-то существа не от мира сего, по-
сетившего Землю, и пытающегося воссоздать уви-
денное?

Пространство простиралось... убегало в глу-
бину... но не так, как оно должно было это делать.

Время... замедлило бег. Ползло из никогда в ни-
когда...

Я внимательно посмотрел на Исполита и понял, что не только коньяк потерял тут свои свойства, мы тоже перестали быть сами собой. От нас остались... изображения? Оболочки, сотканые из страхов и несбывшихся желаний? Или что-то такое, о чем мы даже не подозреваем?

Перед нами было море, но какое! Вовсе на море не похожее. Неглубокое. Волны не настоящие, вода...

Небо над нами... казалось было нарисовано. Солнце маленькое, кущее, крутящееся, как волчок. Из него вылетали разноцветные протуберанцы. Шаровая молния?

Воздух явно состоял не только из кислорода и азота, но и из газов, затрудняющих дыхание.

На берегу мы увидели несколько диковинных зданий. Фабрики? Купальни для роботов? Допотопная паровая машина приводила в движение непонятные устройства. Их свист и скрип казались ненастоящими. Они как бы не имели сущности. Все вокруг нас не имело сущности...

Мы сидели на чем-то вроде каменного помоста. Он выглядел каменным, а на самом деле – он был из резины, и мы боялись, что она порвется и мы провалимся в невидимую пропасть.

В море купались обнаженные женщины. Вода не касалась их тел. Вода не была «мокрой». Она состояла из многослойного шелка. Серо-голубоватого шелка. И волны не «бежали» по этому морю, а медленно поднимались и опускались.

Я написал «женщины», но существа эти только внешне напоминали земных женщин. На самом деле это были куклы из латекса... оживленные куклы... возможно, первые, несовершенные пробы создания искусственных людей.

Латексные женщины с огромным трудом меняли позы... качались как поплавки... смотреть на них было мучительно. Еще мучительнее было слушать их нечленораздельную, нечеловеческую речь... ку-дахтанье, курлыканье, хрипы.

Внезапно я понял, что надо делать. Решительно взял раскисшего Ипполита за руку и прыгнул вместе с ним в море. Вода была только до пояса.

И я пошел по песчаному дну, таща за руку кузена, в сторону открытого моря. Мы шли, не оборачиваясь, шли молча, не смотря ни друг на друга, ни на море, ни на нарисованное небо. В какой-то момент мы неожиданно осознали, что идем по сухой мостовой европейского города.

...

Прошли темное здание городского суда с колоннами и могучими аллегорическими скульптурами

перед входом, долго тащились вдоль высокой стены, за которой виднелись фабричные корпуса и трубы, миновали несколько трехэтажных многоквартирных жилых домов. Подошли к небольшому железнодорожному вокзалу. В нем одном горел свет, все остальные здания были темные. Точнее темно-синие.

Зашли в здание вокзала и очутились в большой старомодной зале. Под потолком висела газовая люстра. Слева от нас, за стойкой сидела билетерша в желто-лимонном платье с большим декольте. Опять кукла? Или недоделанный латексный андронд?

Билетерша не сводила глаз с обнаженной блондинки справа. Эта худая, высокая и красивая девушка смотрела на темный ковер перед стойкой билетерши. Руками поддерживала свою молодую грудь...

Она тоже никак не отреагировала на наше появление.

На противоположной стороне залы стояла длинная лиловая кушетка. На ней в довольно фривольной позе лежала еще одна нагая дама, напоминающая гойевскую «Обнаженную маху». Над лежащей, на стене висело большое зеркало, которое на этот раз честно отражало реальность по известным оптическим законам. Левее кушетки с обнаженной махой

был выход на перрон. На путях стоял товарный поезд. За ним виднелась башня с часам. Стенные круглые часы над билетершей и часы на башне показывали десять минут первого.

Ишполит спросил меня: Генри, мы все еще находимся в этом проклятом замке? Я очень надеюсь, что там. И что морок когда-нибудь развеется, и мы поедем домой...

– Не уверен, что мы сами сможем вырваться отсюда. Он, она или оно – должен сам нас выпустить. Пока что у него явно другие планы. Он хочет, чтобы мы прошли по лабиринту и насладились всеми его кунштюками.

– Кто он? На кой черт ему это надо?

– Не знаю. Может быть, он что-то на нас проверяет? Реакции? Правдоподобность своих материализаций? Или, и это было бы ужасно, – сам не знает, что делает, играет, забавляется. Как безумец... построил игрушечный домик-лабиринт и пустил туда хомячков...

– Забавляется? Пустил хомячков? Нас? Я ему сейчас покажу хомячков!

Ишполит вытащил из кармана автоматический пистолет... я не успел помешать ему... и начал палить в разные стороны. Выпустил 17 пуль. Заменял магазин и продолжил. Разбил зеркало и две лампы на люстре, многократно продырявил билетершу и

обнаженных женщин, сбил с элегантной подставки горшок с фикусом, засадил несколько пуль в стенные часы. Во время стрельбы орал что-то по-венгерски, скакал и прыгал, как будто танцевал чардаш. Последний патрон злоратно всадил в лоб валяющуюся на полу блондинке.

Все три продырявленные пулями Ишполита женщины вяло, как сонные тюлени лапами, шевелили руками и ногами, моргали глазами и трясли головами. Из их полуоткрытых ртов доносилось что-то напоминающее мышинный писк. Из ранок сочилась неприятная зеленоватая жидкость. Мы положили их друг на друга, как манекены, завернули ковром, вытащили на перрон и бросили на рельсы. А сами сели на кушетку, передохнуть и собраться с мыслями.

...

Не тут-то было!

Ишполит показал рукой на часы и крикнул: Гляди!

Три дырки от пуль на циферблате – сами собой заросли. Потом как в обратном кино – сама собой починилась лампа на люстре. Потом другая. Восстановилось зеркало. Через минуту комната на вокзале выглядела так же, как до пальбы моего кузена. А затем... в комнату вошла билетерша. Без следов от стрельбы на теле. Медленно, задом наперед, – проковыляла на свое место, села и застыла в той же позе,

что и раньше. За ней в комнату, тоже задом наперед, вошла блондинка и встала на то место, где раньше стояла. Пулевое отверстие на ее лбу заросло.

Третьей приковыляла маха...

Там, где раньше лежал ковер, доски пола потемнели, на дереве показались складки, и еще через несколько секунд – ковер лежал на старом месте.

– Ради бога, больше не стреляй!

– Тебе что, все это жалко? У меня еще один магазин в запасе.

– Все, что ты вокруг себя видишь – не настоящее. Состоит не из привычной нам материи, а из... не знаю из чего... из стусившихся воспоминаний... представлений... желаний... Его желаний. Для него – все тут имеет смысл, оно ему ценно и важно. И он не допустит, чтобы мы тут что-то испортили. Он накажет нас за бунт, вот увидишь. Не знаю, как.

В этот момент неожиданно загудел отходящий поезд. Тронулся и медленно укатил. Мне показалось, что это поезд детской железной дороги, только размером с настоящий.

Мы опять услышали вой.

...

Ишполит вдруг начал раздеваться. Я хотел его остановить, но заметил, что он делает это маши-

нально, как робот. Раздевшись, мой кузен лег на обнаженную маху, раздвинул ей бедра, грубо схватил ее за груди и со всего размаху вбил в нее свой уланский фаллос. Начал совершать фрикции, а через минуту очевидно с трудом повернул голову ко мне и простонал: Я делаю это против воли, берегись, Генри!

И тут же я ощутил неодолимое желание обнять и поцеловать блондинку.

Мои руки и ноги меня не слушались. Он... тот, невидимый, но присутствующий здесь... он управлял мной как марионеткой. Я не мог противиться его воле. Разделся. Подошел к блондинке, крепко обнял ее и поцеловал. Вкус ее языка напоминал вкус железа, губы были резиновыми. Через несколько мгновений – стоя – проник в нее.

Первым кончил Ипполит – и закричал от боли. Через несколько минут это же испытал и я. Вместо радостной волны наслаждения – волна режущей боли прокатилась от яичек до головки.

Это было наказанием за стрельбу.

...

Пришли в себя мы на улице. Босые и нагие. На той, с темно-синими домами. Вокзал исчез. Кошмар продолжался.

Побрели непонятно куда. Холодные камни мостовой обжигали ноги.

Неожиданно услышали скрежет догоняющего нас трамвая. Встали на тротуаре, смотрели. Синий трамвай медленно проехал мимо нас. Вел его мертвый Теодор. В немыслимой фуражке. Отдал нам честь и показал указательным пальцем на свой, все еще выsunутый лилово-серый язык. Все пассажиры были нам знакомы. Тут был и слуга Теодора Латур с пепельно-фиолетовой физиономией, и барон и баронесса фон Цароги с сыновьями и челядью, и все семь участниц спиритического сеанса. У всех у них были ужасные, искаженные лица. Агнессы в трамвае не было. Лидия выпучила глаза, открыла рот и показала неестественно длинные красноватые зубы. Затем вытащила один из них изо рта и воткнула его себе в щеку. А госпожа Марта вынула свои глаза из глазниц и продемонстрировала их нам. Глаза в ее руках посверкивали и крутились.

...

Издали увидели освещенный вход в какое-то помпезное общественное здание. Подошли. Прочитали вывеску, написанную черным шрифтом. «Шпитцнер музей».

И оба ощутили неодолимую потребность пройти по залам этого непонятного музея.

Войти в музей можно было только через открытую веранду, напоминающую театральную сцену. На нее вели с улицы ступеньки, покрытые красной ковровой дорожкой. На ступеньках этих стояли и мирно беседовали между собой пять прекрасно одетых, породистых и лощеных джентльменов. Лица их выражали достоинство и уверенность в себе. Откуда они тут взялись?

Рядом с ними, мы, босые и голые, чувствовали себя неловко.

Джентльмены преграждали нам дорогу.

Ишполит хотел было попросить их пропустить нас, но я прижал палец к губам и объяснил ему знаками, что вначале мы должны послушать, о чем они говорят.

Мы прислушались.

– Марс, что бы это значило? Женщина в трансе. Скелет.

– Чудесно, Юпитер! Мальчик, кажется, ее сын.

– Неожиданно и ново, Сатурн! И это во время оккупации.

– Слов нет, я так хочу купить эту картину, Уран.

– На все времена, Нептун. Не то, что эти зазнайки-кубисты или безмозглые абстракционисты.

Джентльмены говорили о картине... возможно, они принимали сцену на веранде перед входом в музей за живопись... сыпали и сыпали короткими репликами как машина по изготовлению лапши. Почему-то называли друг друга именами планет.

При этом они не двигались, не жестикулировали, их губы и глаза были неподвижны. Голоса доносились из их тел, как эхо из пещеры.

– Как ты думаешь, – шепнул я Исполиту, – это такие же жертвы замка, как мы, или...

– Чертовы болтуны, знаю эту породу...

Тут мы услышали позади себя цоканье копыт, скрип и хруст. К зданию музея подкатила старая грязная телега. Похожий на снежного человека кучер соскочил с нее, оттолкнул нас мохнатой лапшой и схватил пятерых джентльменов... схватил и уволок... и кинул небрежно, как кидают дрова, в телегу. Состроил нам на прощание чудовищно гадкую рожу и хлестнул лошаденку, передняя часть которой была обыкновенной савраской, а задняя... лошадиным скелетом. Через мгновение телега с кучером и джентльменами исчезла.

Мы поднялись по лестнице.

...

Вход в музей располагался в правой части сцены. За бордовым занавесом маячила фигура человека

без кожи, похожего на иллюстрацию из анатомического атласа. Глядя на него, я вспомнил, что такое «Шпитцнер музей». Родители осчастливили меня посещением подобного заведения в Париже. Этот музей – что-то вроде паноптикума... собрание всевозможных анатомических уродств... Почему-то людей тянет смотреть на подобное. Отдельный зал в музее был посвящен наглядной демонстрации последствий заболевания сифилисом. Родители хотели запугать меня этой страшной болезнью, а добились того, что я испугался не болезни, а самой жизни.

Рядом с входом, за столом, сидела продавщица входных билетов. Как и все другие женщины в этом странном мире – чувственная кукла. Воплощение мужского представления о фемине. Ее белое атласное платье не скрывало высокую шею, роскошные плечи и грудь.

В левой части сцены стоял человеческий скелет, поддерживаемый двумя железными крюками, крепящимися к стене. Высокий, зловещий. Видимо, он должен был сразу же, еще до входа в музей, обуздывать гордыню посетителя. Помни о смерти!

В середине сцены стояли два человека – потерянный голый мальчик лет шестнадцати и женщина в длинном темном платье, которую один из джентльменов назвал его матерью. Эта мать запрокинула в экстазе голову, ее шея и грудь были обнажены.

Возможно она не была матерью мальчика, а только символизировала чувственную радость, а мальчик – искал, как и все мы ищем – свое место, между Танатосом и Эросом.

Поделится такой интерпретацией с Ишполитом. Тот только рукой махнул и закашлялся.

Из тела мальчика внезапно донеслось: Мне страшно! Я заперт! Спасите!

А экстатическая дама, произнесла утробным голосом, так и не открывая глаз: Бегите, бегите, тут вас ждет смерть, смерть...

Скелет угрожающе заклацал зубами, попытался броситься на нас, но его удержали стальные крюки.

Продавщица входных билетов медленно и со скрипом повернула к нам голову и прошипела: Покупайте входные билеты, господа... два франка... для школьников и студентов один франк. Для магистров бесплатно.

Мы вошли в музей. Человек без кожи растопырил свои страшные окровавленные руки, попытался нас остановить, но храбрый Ишполит ткнул ладонью ему в ребра, и тот задержался, затрясся и отступил.

...

Это был отвратительный музей.

Перед нами лежала женщина в белом платье. Лицо ее не было искажено гримасой боли, оно было

только удивленным. В ее животе зияла дыра размером с супницу. Там копошились два не родившихся ребенка. Женщина проговорила ужасным голосом: Бегите, он идет! Он уже близко! Он разрежет вам брюхо и выпустит кишки!

Рядом с ней сидела красотка с отсутствующей нижней челюстью. Она тоже пыталась что-то сказать, но из ее бронхов вырывался только свист.

Третья женщина была вспорота от горла до половых органов и вывернута наизнанку... Ее тело коржила и извивалась. А голова хихикала.

Чуть дальше стоял и внимательно смотрел на нас симпатичный мальчик с одним туловищем, но с двумя грудными клетками и двумя головами. Обе его головы повторяли тупо: Ты голова, и я голова! Ты голова, и я голова!

За ним находились стеллажи с стеклянными банками с формалином, в которых хранились всяческие уроды. Все они гадко кривлялись... пытались танцевать.

Чуть дальше – внутренние органы с генетическими дефектами, опухолями... Они подрагивали и пускали пузыри.

Сотни деформированных скелетов, грозя рассыпаться, дрыгали своими костлявыми ногами и протягивали в нашу сторону длинные руки.

Отдельный зал был посвящен жертвам серийных убийц и маньяков. Несчастные рыдали и просили их пощадить. Но маньяки их не щадили. То и дело поворачивали свои головы к нам и гнусно ощеривались.

Еще один – орудиям пыток, казням и палачам. Многие казнимые молились, другие проклинали палачей, подвергнутые пыткам – умоляли о пощаде, клялись в том, что они не виновны, что их оговорили злые люди. Палачи выполняли свои обязанности безукоризненно. Наверное ожидали от начальства медали и почетные грамоты.

В зале с фиолетовыми стенами были показаны на примерах различные виды сексуального садизма, фантастического и реального. Маркиз де Сад соседствовал тут с русской боярыней Дарьей Салтыковой. Маркиз де Сад делал нам непонятные знаки, кажется, приглашал присоединиться к кровавой оргии, а Салтыкова – плевалась и норовила ущипнуть или ударить.

В красном зале я обнаружил целую галерею оторванных голов...

Головы эти моргали глазами, открывали мертвые рты и мерзко агукали.

Описывать остальные залы музея я не буду. Слишком жутко.

...

Музей, по которому мы бродили, не был музеем анатомических уродств, это был музей зла.

Его создатели пытались внушить посетителю, что демиурги ошиблись. Ушли от ответственности, оставили человечество на произвол судьбы. И люди начали уничтожать самих себя и природу. А природа – мстить им за это.

Сказал Ипполиту: Пойдем отсюда, я не могу больше на все это смотреть...

И неожиданно обнаружил, что моего кузена нет рядом со мной.

Обошел еще раз все залы, то и дело закрывая глаза и затыкая уши, – Ипполит исчез.

Вышел на улицу.

...

Но не на ту, страшную улицу с темно-синими домами, по которой мимо нас проехал трамвай с мертвецами. На другую.

На залитую солнечным светом райскую улицу, по которой гуляли обнаженные красавицы, улицу моей детской мечты.

Легкий ветерок дарил прохладу, цветущие деревья благоухали, изумительные античные постройки радовали глаз.

Мой кузен Ишполит лежал под цветущей акацией. На пальце его посверкивал перстень с топазом и бриллиантами. Рядом с ним сидели на корточках три прекрасные нагие азиатки. Они втирали в его загорелую кожу благовония.

Моя невеста Агнесса лежала на шелковистой траве в обнимку с Теодором. Они весело болтали. Теодор приветливо помахал мне рукой в розовой перчатке. Агнесса послала воздушный поцелуй.

Барон фон Цароги сидел в шезлонге и читал газету «Ла Вив Мондэн». Баронесса качалась в гамаке и перебирала холеными пальчиками алмазы и изумруды, лежащие на блюде из цветной яшмы. На голове у нее сияла корона с крупными грушевидными жемчугами.

Их сыновья, Алан и Мориц музицировали на панфлейтах для стайки обнаженных девушек-лесбиянок, ласкающих друг друга.

Лидия Клех разглядывала розово-синий магический кристалл.

Ее помощница Марта развлекалась под персиковым деревом с молодым любовником-мулатом.

Девушка-медиум пасла золотистых овечек.

Остальные участницы злополучного спиритического сеанса пели хором спиричуэл. Подпевал им сильно помолодевший и похорошевший доктор

Фердинанд в белоснежном халате на голое тело со стетоскопом в руке.

Старый Иштван целовал врасос млеющего Мартина.

По зеленому лугу носился как торнадо по Арканзасу божественный конь Красный Мустанг.

Комиссар Леперье замороженно глядел на завтракающего герцога и его пегих легавых собак.

Четырнадцать святых Помощников пили церковное вино из золотых потиров и дарили маленьким голеньким деткам хрустальные шарики.

Как чудесно все это! Зачем просыпаться, если сон так прекрасен? Но я проснулся.

...

У себя дома, на кровати...

Позвонила Агнесса. Заявила, что хочет переспать со мной, а затем попробовать в «Конкистадоре» тамошних устриц. Договорились на четыре. Я спросил ее, была ли она в городском Аквариуме с неким Теодором Мольтке. На что Агнесса звонко расхохоталась и спросила меня, не лишился ли я рассудка. Теодором Мольтке звали ее учителя латыни в гимназии. Был он старым, толстым и противным, ученицы дразнили его «ливерной колбасой». Спросил Агнессу, как здоровье ее родителей и братьев, и она сообщила мне, что барон и баронесса уже месяц как

плывут в Новую Зеландию на паруснике их доброго знакомого, миллионера Макса Шпитцнера. Капитан яхты – знаменитый Леперье, победитель Великой австралийской регаты. Возвратятся через год. А братья вчера уехали в Центральную Африку охотиться на гиппопотамов.

Затем позвонил Ипполит и объявил, что он подписал контракт наемника и через неделю уезжает в Камбоджу. Потому что ему «скучно и тошно без войны». На мою просьбу воевать осторожно Ипполит ответил так: Не надо эмоций, Генри. Если я протяну ноги, семья почувствует облегчение, а посторонние не заметят.

Позвонила мама и сказала, что пойдет сегодня вечером на спиритический сеанс Лидии Клех. Хочет выведать у умершей бабушки, где та спрятала Золотые облигации Французского банка. Я посоветовал ей зайти в наш фамильный склеп и расспросить об этом тетюшку Агату. Мама рассмеялась и спросила, что я пил вчера в «Мельбурне». А затем клятвенно заверила, что у ее бабушки не было сестры по имени Агата, и что единственная Агата, которую она знает – это молодая полька, приходящая по понедельникам массировать спину моему отцу.

– Каждый понедельник прячу в сейф мои драгоценности и серебряные ложки из буфета, – заявила мама, – никто не знает, что можно ожидать от этих

освободившихся от ига коммунизма восточноевропейцев!

...

Я закрыл глаза... думал о том, как уютен наш скромный буржуазный мирок.

А когда я их открыл... то обнаружил, что все еще нахожусь в комнате с часами, в проклятом замке. Сижку, прислонившись к сырой стене, и смотрю на висящего посередине комнаты Теодора. Глаза трупа почему-то светили как два фонарика.

Рядом со мной сидел мой кузен Ипполит. Оторванная голова его лежала у него на коленях. Рот его был открыт, глаза выпучены.

Не стал тратить время на бессмысленные переживания... прошел в комнату с магическим зеркалом и куклой в темно-лиловом платье с кружевами. Поприветствовал нагую красавицу. Разбежался и прыгнул в зеркало, рискуя разбить себе лоб.

Приземлился удачно... встал.

Тут из рожи вышел оборотень и посмотрел на меня глазами, полными бесконечной злобы. Открыл страшную пасть, из которой сочилась лиловая слюна. Приготовился к прыжку. Я сжал зубы и двинулся ему навстречу...

...

Сражение не состоялось. Судьба второй раз избавила меня от столкновения с более сильным противником.

Зверь бросился на меня с выставленными вперед передними лапами... но, как раз в тот момент, когда его когти должны были коснуться моей груди, пропал. Дематериализовался.

Странно, я как будто ожидал чего-то подобного.

Сел на травку и заговорил сам с собой.

...

Твой прыжок в зазеркалье – не вывел тебя из лабиринта, а только переместил в его заповедные области. Возможно, отсюда уже нельзя вернуться в обычный мир. И теперь тебе, тридцатипятилетнему оболтусу и гедонисту, придется разделить судьбу Безумного Шляпника.

Хотя... стоит ли горевать?

Посмотри, вон роща. Реликтовые сосны, гигантские грибы, хвощи и папоротники. А среди них – обнаженные женщины и музицирующие гермафродиты с венками на головах. Некоторые обнимают друг друга, другие забрались на деревья. В огромных лопухах – как в креслах – сидят голые мальчики.

Ты так любишь все это...

А с другой стороны полянка... там роятся насекомые.

Тараканы размером с крысу... гигантские богомолы, жуки-паровозы, стрекоза, которая могла бы сожрать кролика... пролетела в метре от тебя, плотоядно посмотрела на тебя своими фасеточными глазами и проскрипела: Глядите, новенький! Новичок, новичок, покажи мне свой смычок!

И сделала неприличный жест, нахалка.

– Лети, лети, дура разноцветная! Сейчас пойду за сачком.

Тут не заскучаешь.

Посмотри, Триумфальная Арка – отлита из янтаря! Украшена забавными горельефами. Глаз не оторвать! А за аркой доисторический зверь пасется. Стегоцефал. Рядом с ним колышек, а на колышке табличка, как в зоопарке. А на табличке написано: Это стегоцефал. Травоядный. Стеклом не кормить!

Позвольте, а это что за птица?

В роце, среди пышнотелых фей и сыновей Гермеса и Афродиты стоял горбоносый мужчина в круглых очках на лбу. Длинное пальто, фрак, красная бабочка... Носом его, казалось, можно было резать хлеб, так он был тонок. Горбоносый держал что-то в правой руке и сосредоточенно рассматривал. Какие-то камни. Где-то ты его видел!

Не где, а когда. Давным давно. На иллюстрации, в детской книжке.

Подошел к типу в очках. Толкнул его. Хотел узнать, не манекен ли он.

Тот не упал... Опустил очки на глаза, посмотрел на меня недовольно, как кондуктор в автобусе, и спросил: Это вы меня толкнули?

— Я. Извините, мне показалось, что вы механическая кукла.

— Даже куклу толкать невежливо, сударь.

— Разрешите представиться, князь Эстерхази.

— Профессор Отто Лиденброк.

Лиденброк... Вспомнил. Жюль Верн. Путешествие к центру Земли. Подарили родители на десятый день рождения. Роскошное издание с картинками.

— Позвольте спросить, что вы тут делаете?

— Рассматриваю эти чудесные пириты. Красивые кристаллы, не правда ли? Кажутся такими твердыми... А теперь смотрите.

Лиденброк сжал камни своими сильными пальцами. Я услышал хруст... Профессор раскрыл кулак как фокусник. На его ладони лежал песок.

— Как видите, эти кристаллы сделаны из песка, молодой человек. Из обычного мелкого кварцевого песка. Манифик!

— Кристаллы из песка, женщины из резины...

– Женщины из резины? Какие женщины?

– Посмотрите, профессор...

Я указал ему рукой на стоящую рядом с ним обнаженную красавицу с восхитительной грудью, огромными черными глазами и чувственным ртом.

Лиденброк нехотя бросил на нее равнодушный взгляд. Затем хищно схватил ее за прелестную кисть и резко дернул. И оторвал! Смял кисть в руках, превратил в ком, и энергично растер его ладонями. Потом развел ладони... из них посыпался песок.

Опять песок!

А красавица мякнула как раненая кошка, села на корточки, согнулась, прижала обрубок к животу. А уже через минуту медленно встала и приняла прежнюю позу. Плоть ее восстановилась. На лице появилось что-то вроде презрительной улыбки.

– Регенерация женской плоти. Неужели это вам не интересно?

– Я не Мартовский Заяц, я по ученой части. Мои интересы ограничены минералогией.

– А что вы думаете о месте, в котором мы находимся?

– Песок. Все это из песка. Забавно конечно, что такие сложные формы можно создать из обыкновенного песка, но с минералогической точки зрения – этот мир тривиален.

– Полагаю, это не совсем обычный песок... У вас случайно нет микроскопа?

– Нет, только очки, молоток и лупа.

– Вы в лупу на этот песок смотрели?

– Смотрел, смотрел и ничего такого не заметил. Песок и есть песок. Не фантазируйте попусту, молодой человек. Принимайте жизнь такой, какая она есть. Идите, не задерживайтесь, идите к Триумфальной Арке. Марш, марш... Заболтался я с вами, пора наконец делом заняться.

Профессор встал на то место, где стоял раньше, вынул из кармана еще один камень, сдвинул круглые очки на лоб и начал внимательно рассматривать черные кристаллы-октаэдры. Я узнал их. Это был магнетит. Отец привозил мне забавные магнитные камешки из Швеции и я часто пугал ими свою старую няню, заставляя стальные ложки и вилки для прислуги ползать по столу.

...

Оставил зануду Лиденброка изучать его магнетиты и подошел к Триумфальной Арке, недоверчиво косясь на стегоцефала, пасущегося невдалеке. Кто знает, может быть он не осведомлен о том, что значит «травоядный».

Мельком взглянул на движущиеся горельефы на ее стенах, изображавшие сирен. Янтарные эти дамы

пели, подмигивали, зазывали. Но я не поддался их чарам... прошел сквозь арку.

И очутился в городе, расположенном между морским заливом и грядой невысоких конусообразных гор.

Кто-то шепнул мне: Тут ты найдешь свою Агнессу. Не прикасайся к ней...

...

Все дома города были цвета речного песка. Только чуть-чуть отдавали в синеву.

Многие здания походили на античные храмы, греческие и римские, но встречались и монументальные постройки, напоминающие зиккураты. Несколько великолепных сооружений имели мощные пирамидальные крыши, другие – были украшены башенками с зубцами, статуями на фасадах, аркадами и бельведерами.

На таком фоне нелепыми выглядели дымящие трубы фабрик, спрятанных за высокими каменными стенами.

Слева от меня – низкий берег моря, впереди и справа – широкие лестницы, ведущие в город. А прямо передо мной – пустошь, поросшая редким вереском. Вероятно, здесь раньше было море. И тут, как в моем сне перед дуэлью, повсюду валялись камни.

В нескольких метрах от меня лежала адамова голова с жуткой ощеренной пастью.

По пустоши гуляли люди.

Шли, обнимались, топтались, отвешивали поклоны, боролись друг с другом, танцевали... но не двигались.

Колоссальная живая картина.

И, хотя я уже привык к подобным представлениям, картина эта потрясла меня, она была... другой.

Тревога висела в воздухе. Как перед войной. Может быть так выглядели Помпеи в последние минуты перед началом извержения Везувия.

Многие куда-то бежали. На месте.

Группа обнаженных бородачей-ассирийцев внимательно, с нескрываемым ожиданием смотрела на море. Что они там выглядывали?

Влюбленные девушки занимались вольной борьбой.

Некоторые люди сидели или стояли схватившись в отчаянии за голову. Что привело их в отчаяние?

По площади бродили несколько скелетов. Один из них преследовал женщину, другой сам спешил убраться подобру-поздорову. Но так и не сдвинулся с места.

Прямо передо мной слева сидел обнаженный мужчина. Римская его голова с крупными правильными чертами лица опиралась на правую руку. Он был погружен в меланхолические раздумья. Тяжело и упорно смотрел... на голую до пояса молодую красавицу, отвечавшую ему таким же пристальным, полным страха и тревоги взглядом. Мужчина этот напомнил мне художника, нарисовавшего фрески в моей комнате в «Миракле». Да, это был он, бельгиец.

Девушка, на которую он смотрел, шла в процессии красавиц, двигающейся от города к морю. Все участницы этой процессии были необыкновенно красивы, лица их походили на чудесное лицо праксительевой Афродиты, только глаза их были больше и выразительнее. Одеты они были в однотонные шелковые – красные, желтые или сиреневые – складчатые одеяния, крепившиеся на талии роскошными бантами. Особую, щемящую эротичность придавала им незащищенность их голых грудей.

Возглавляла процессию девушка с миловидным томным лицом. Она тоже тревожилась, боялась, трепетала... Это был Агнесса.

Кроме сидящего меланхолика, еще один человек пристально смотрел на девушек в процессии – одетый в безукоризненный костюм человек в котелке. Его взгляд не был взглядом возбужденного муж-

чины, глазающего на раздетых женщин – в его глазах читались тревога и жалость. Казалось, он знает, что с ними сейчас произойдет.

Расставивший циркулем бедра голый подросток умоляюще смотрел на меня. Ждал помощи?

И только две совсем юные голенюкые девушки-подружки ни о чем не тревожились и стояли, прижавшись грудками друг к другу, подняв руки вверх как балерины.

...

Забыв о предупреждении, подошел к Агнессе и нежно погладил ее по плечу. Заглянул ей в глаза... обнял. Прижался к ней. Агнесса успела прошептать: Не надо, милый, прошу тебя. Это убьет всех нас.

И тут же начала трескаться и рассыпаться как песочный домик.

Рассыпалась ее милая головка, руки, грудь...

Через несколько мгновений от Агнессы осталась только маленькая кучка песка.

Вслед за ней начали рассыпаться и остальные фигуры грандиозной живой картины. Рассыпались и люди, и дома, и деревья...

Море превратилось в песчаную пустыню.

Небо пролилось на землю песочным дождем... а за ним и Солнце.

Это я уничтожил их... Уничтожил город моей мечты.

...

Я все еще сидел на полу, прислонившись к стене, в замке, в комнате с напольными часами. В середине комнаты по-прежнему висел Теодор, а рядом со мной – сидел мой кузен Ипполит с оторванной головой на коленях.

Я больше не испытывал страха, не хотел никуда уходить.

Встал, подошел к висящему трупу и закрутил его.

Теодор превратился в хрустальную люстру. Она крутилась и тихонько звенела.

Притронулся рукой к Ипполиту, и тот стал креслом.

Сел в кресло и задумался.

Неожиданно начали бить часы.

После того, как они пробили тридцать пять раз, из них вылетели два белых голубя...

Я поймал их и оторвал им головы.